

Канева Т.С.

История Усть-Цилемского края в устной традиции (по результатам системного описания)

Фольклорная культура Усть-Цилемского района и устная народная история края – тема, как нельзя более характерная именно для данной традиции. Это проявляется особенно ярко на фоне народно-исторического пласта знаний и соответствующего фольклорного репертуара соседних с Усть-Цильмой традиций, которые на протяжении многих лет изучаются фольклористами Сыктывкарского государственного университета и в которых не удалось зафиксировать или в которых не сохранилось того большого корпуса устных исторических рассказов, как в Усть-Цилемском районе, где проживают потомки сторонников староверия. Причины этого в определенной степени можно связывать с двумя обстоятельствами: во-первых, с консервативностью сознания устьцилемов и со свойственной им установкой на «культуру памяти» (А.М. Панченко); во-вторых, со сравнительно молодым «возрастом» традиции, сформировавшейся, по сути, в XVIII в. и «еще» переживающей, актуализирующей события прошлого. Нельзя не учитывать также и специфику территориальных контактов жителей Усть-Цильмы, в прошлом находившихся в близком соседстве лишь с коми-ижемцами и в достаточном отдалении от своих сородичей – нижнепечорских и мезенских русских. Заметная обособленность – языковая, конфессиональная, территориально-экономическая – в условиях проживания (укоренения) на окраинном российском севере во многом способствовала появлению достаточно четкой самоидентификации жителей Усть-Цилемского края, в настоящее время называющих себя «устьцилемами».

Рассказы, отражающие историческую память и мировоззренческие установки жителей этого края, известны нам, главным образом, по материалам Фольклорного архива Сыктывкарского госуниверситета (далее – СыктГУ; записи 1980–2000-х гг.), а также архива кафедры фольклора Московского государственного университета (записи 1978, 1980 гг.). Записи, собранные в СыктГУ в 1980-х гг., в той или иной степени уже становились предметом специального рассмотрения: составлен указатель основных тем и мотивов устьцилемских исторических преданий; проведено сравнение этих текстов с местным церковным летописцем предпринята характеристика отдельных циклов. В данной работе делается попытка представить некоторые обобщающие наблюдения над текстами, отражающими устную народную историю Усть-Цильмы, как в свете новых записей (в последние годы фольклористы СыктГУ возобновили полевое обследование в Усть-Цилемском районе), так и в свете новых задач, вытекающих из необходимости подготовки системно-аналитического описания накопленного материала для мультимедийного справочно-библиографического издания по данной традиции. Упорядочение этого материала в виде по-разному организованных указателей и таблиц (основные мотивы преданий, относящиеся к одной местности – алфавитный и топографический перечни; типы основных мотивов, отмеченные в устьцилемских преданиях; основные мотивы преданий о лицах / героях местной истории) позволило обобщить данные, сопоставить этот материал с так называемыми общерусскими сюжетами и выделить наиболее заметные специфические черты.

Репертуару устьцилемских нарративов можно дать, на первый взгляд, довольно странную оценку: он выглядит не очень разнообразно. Весь корпус имеющихся в нашем распоряжении текстов можно разделить на две большие тематические группы: это рассказы, повествующие (1) о заселении и освоении края, в том числе предания с топонимическими мотивами, и (2) о событиях местной старообрядческой истории (о Великопоженском и Тобышском скитах, в том числе о самосожжении на Великих пожнях и об Иване из Тобышского скита), об исторических лицах, связанных с событиями раскола (небольшая группа записей о протопопе Аввакуме и патриархе Никоне). При более подробном рассмотрении очевидным становится, что у многих текстов, этих условно выделенных групп, имеется общий мотив, как раз и придающий основному корпусу записей заметное единообразие – гонения на старообрядцев. Он является отправным едва ли не в каждом третьем повествовании о появлении различных поселений. Приведем примеры из записей: «Вот гнанье когда было, они там и заселились, приехали. Родились там и расплодились. (...) Гнали из веры тут везде на север, набежали да и заселились...»; «Когда Никон-патриарх пришел к власти, начали нашу староверскую веру корезить, от и побежали: то в Сибирь, то по Северу побежали староверы. Они ушли через Камень, через Тиман. До Мезени с Верхнего Новгорода они добрались, поднялись к мезенской Пижмы, через Тиман перешли на нашу Пижму. И заселились тут». Во многих подобных текстах наличествуют формульные выражения «из веры гонили», «из креста гонили».

Само появление поселенцев на Печорской земле видится устьцилемам как следствие раскола церкви. Реальные факты возникновения и дореформенной жизни селения остались заслоненными более значимыми явлениями – изгнанием, поиском прибежища и обособованием в чужих краях отлученных от церкви предков. Эти события – как некогда пережитая трагедия – оставили глубокий след в памяти потомков, став и точкой отсчета («первособытием»), и основным содержанием местной истории.

Судя по сообщениям устьцилемского летописца, а также по некоторым историческим источникам, в Усть-Цилемском крае, отсчитывающем свою историю с 1540-х гг., происходили не только события, связанные с расколом: это и неоднократные нападения на слободку разбойников; и пожар, уничтоживший чуть ли не все поселение вместе с первой в округе Никольской церковью; и «серебряно-медная лихорадка» на Цильме, и некоторые другие. Однако можно сказать, что память устьцилемов «избирательно» сохранила лишь отдельные страницы местной истории, как бы отдавая предпочтение истории старообрядческой. Весьма примечательно, что хронологически такие события, как, например, самосожжение в Великопоженском ските

и пожар в Усть-Цильме следуют по времени один за другим (1742 и 1745 гг. соответственно), но в устной традиции сохранились лишь предания об огненной трагедии на Пижме .

Взгляд в прошлое сквозь призму истории раскола вызвал появление свойственных фольклорной повествовательности анахронизмов: возникновение поселения в Усть-Цильме (напомним: основанной в начале 1540-х гг.) в отдельных рассказах представляется значительно более поздним событием, как бы «переставляется» на хронологической шкале в позицию после более важных для устьцилемов моментов, таких, как, например, основание старообрядческого общежития на Пижме (1710-е гг.) («Скит самый первый был. В ските уже все было, а в Усть-Цильме всего один домик только был»). О таких явлениях Н.А. Криничная отмечала, что отступления от факта, «смещения» являются следствием изменений реалистических (поздних) элементов преданий, которые занимают место мифем.

Ранняя усть-цилемская история обозначена в устных рассказах именами Ивана Грозного – правителя, санкционировавшего появление слободки (что соответствует документальным данным), и Ивашки Ластки – основателя поселения, имя которого также сохранили и исторические свидетельства. Однако и их деяния нередко связываются в «народной истории» также со старообрядчеством: первый выступает иногда в устных воспоминаниях как гонитель приверженцев истинной веры, второй – гонимым («Беженцы бежали от Грозного...»; «Были при Иване Грозном ище... было гоненье за веру, тожо он строгий был, дак бежали. Беженцы заселялись сюды, Иван Ластко»). Кроме того, в отдельных рассказах исторический персонаж, первозасельщик Усть-Цильмы Ивашка Ластка и последний страдалец за веру Иван из Тобышского (Цилемского) скита являются одним героем .

Значительно мифологизированный в местной традиции образ новгородской прародины устьцилемов также испытал на себе некоторые влияния их своеобразных исторических предпочтений: новгородская земля часто характеризуется исполнителями не просто как исходная территория, откуда когда-то, возможно, приходили на Печору и ее притоки насельщики, но и как родина последователей староверия: «Первы насельщики-ти Орта был. <...> Орта – брат Анкудину, он тоже из Новгорода. У его только два брата да сестра была Машка, Марья.<...> А все из Новгороду они. Анкудин да Микифер был. Како ле гоненье скитских было, ле чё ле, он там где ле поселился у Микишиных, так и называли...»; «Их шесть, говорят, братьев было. По Пижме селились <...> через бор, бора кругом, дак Боровской назвали. Охотники были. Признавают, что это новгородцы жили. Раньше беженцы были, по скитам ходили – ну, как скрывались, тоже чем-то притесняли их, и они вот уходили подальше»; «Это беженцы, этот пижемский скит громило царское правительство. Они сами были новгородские...» .

Чтобы излишне не преувеличить место старообрядческой темы в усть-цилемских преданиях, укажем, что подобного рода рассказы неравномерно представлены в пространстве и времени традиции. Так, эта тема практически уходит из воспоминаний исторической направленности, записывавшихся в тех усть-цилемских поселениях по реке Печоре, которые появились в значительно более позднее время. Свою специфику обнаруживают повествования о последователях старой веры в пижемских и в цилемских деревнях: на Пижме, главным образом, локализуются предания о самосожжении в Великопоженском ските, на Цильме – о Тобышском (на притоке Цильмы), что в общем объясняется пространственной локализацией скитов. По личным впечатлениям от экспедиций последних трех лет, также отмечу, что на Пижме, по праву считающейся колыбелью печорского старообрядчества, память о сакрализованной истории не выглядит более активной, нежели на Цильме, где некогда также существовал скит, но не такой крупный и известный, как Великопоженский. Очевидно, немаловажную роль в поддержании памяти играет статус сакрализованного локуса: место знаменитого скита на Пижме, по сути, не сохранилось, растворившись в пространстве деревни Скитской, а место Тобышского общежития («у покойных»), удаленное от жилья, до сих пор является «ответным» для жителей Цильмы.

В продолжение темы об «исторических местах» обратим внимание на запечатленные в устной традиции факты повторяемости отдельных событий, относящихся ко времени освоения новых земель. Речь идет о мотиве переселения с места первоначального обоснования на более удобные, пригодные для проживания территории. Этот мотив зафиксирован в рассказах о двух разновеликих и разностадиальных, но типологически соотносимых локусах: о «Старых Дворищах» – «первопространстве» усть-цилемской традиции, месте на левом берегу Печоры, напротив появившейся позже слободки, разросшейся до современного села Усть-Цильмы, и о местечке «у старой избы», расположенном на противоположном относительно села Трусова (центрального для цилемской округи) берегу реки Цильмы. Оба первопоселения оказались неудачными для благополучного проживания (их заливало весенним половодьем, а цилемское, кроме того, не давало хлеба из-за «тяжелой», по местному выражению, земли), и таким образом, стали временными, как бы «несостоявшимися», местами обоснования, но сохранившимися в сходных и очень показательных с точки зрения «народной диахронии» топонимах (старые дворища, старая изба) . Развитие этой темы в цилемских преданиях можно усматривать в образе «золотой горы» («Трусово – золотая гора») – так некоторые трусовцы по традиции, идущей от дедов, называют возвышенный берег реки, на котором выстроилось село рядом с полями, дававшими первопоселенцам хлеб: «Сперва будто поселились за реку <...>, там топить стало, вода-то больша, ак топить стало, дак они на гору переселились. Стали чистить вот это всё эти носки-ти да, то слыхала то вот, что тут золотая гора, хлеб-от хорошей приходил на горы-то. Хлеба прежь много было дак, вот и золотая гора называлась. <...> Жито хорошо приходило на горы-то, вот и золотая гора называлась» ; «Сперва-то еще заселились были в мег, а потом из мегу за рекой эво ко Старой избе заселились. А потом стали вешать, это котора земля легче к приходу. Эта оказалась легче, и они сюды переехали. Первый дом был на холму там, наш полё, наш овин там был. Ну, а эта земля легче <...> к приходу, <...> всё говорили: Трусово – золотая гора. А нынче всё заставлено, тогда всё были эти поля...» .

На Цильме, в более молодом – по сравнению с Пижмой или самим селом Усть-Цильмой – микрорайоне, неплохо сохраняется история родов, ведущих свою генеалогию от первозасельщиков Василия Труса (Васины), Филиппа, Максима (Максимковы) и др., в ней удерживается память о смешанных браках – мезенской и ненецкой линиях.

В усть-цилемской традиции память о первопоселенцах поддерживается довольно большим количеством отыменных названий деревень (Степановская, Климовка, Алехино, Сергеева Щелья, Лёвкинская и т.д.), их примерно около половины от всего перечня местных топонимов. Историко-топонимические мотивы включают также воспоминания (иногда просто упоминания) о братьях – засельщиках одной или нескольких близких деревень (шесть братьев – основателей поселений на Пижме: Абрамовской, Алексаевки, Микишиных; три брата, обосновавшихся на Цильме – в Трусово, Ортино и Филиппово; и три брата – первопоселенцы деревни Бык на Печоре).

В сравнении с репертуаром других севернорусских преданий, обобщенном в указателе Н.А. Криничной, отчетливо бросается в глаза отсутствие в усть-цилемских записях следов так называемой мифолого-эпической линии (сюжеты об аборигенной чуди, кладах, разбойниках, особенностях ландшафта в связи с деятельностью первопредков и т.п.), но при этом вполне отчетливо сохраняются реальные и фольклоризированные факты поздней эпохи (которая собственно и сформировала феномен усть-цилемской традиции). Первооснователи усть-цилемских поселений осмысляются народным преданием как вполне реальные лица, появившиеся на печорской земле, как правило, вследствие гонений на старообрядцев и в поиске богатых промысловых угодий, удобных для проживания мест. Они практически лишены каких-либо «личностных» характеристик (физическая сила, особенности внешности, знаний и поведения и т.п.) и, по сути, вся память о них сконцентрировалась в имени (антропониме); исключение в этом ряду составляет, пожалуй, лишь основатель цилемского села Трусова – Василий Трус, которому приписываются противоречивые свойства: то трусость, то, напротив, смелость, выразившаяся в том, что он однажды испугал («труснул») медведя. Событийный ряд «народной истории» Усть-Цильмы представлен, главным образом, трагическими случаями из жизни гонимых приверженцев староверия (самосожжение в Великопоженском ските, вымирание тобышских скитников, ссылка Аввакума). Лишь редкие рассказы сохраняют отголоски особых бытовых «происшествий», как, например, необычное появление быка или коровы на еще не обжитом пространстве (деревни Бык, Коровий Ручей). Небольшая группа историко-топонимических рассказов отражает подмеченные засельщиками особенности ландшафта (деревни Бор, Боровская, Гаревое, Замечная, Загривочная и др.).

Обозревая в целом корпус устных исторических воспоминаний Усть-Цильмы, можно отметить, что они обладают ярко выраженной спецификой, обусловленной местными конфессиональными особенностями. Освоение края, события прошлого в народной летописи оказались так или иначе связанными с историей появления старообрядцев на Печоре и ее притоках или переосмысленными под ее влиянием. Следует также отметить, что устойчивость устной исторической памяти устьцилемов в значительной степени обеспечивается местной рукописно-книжной культурой, также запечатлевшей имена и события старообрядческого движения.

Сноски

1. По современному административно-территориальному делению – в составе Республики Коми, до 1929 г. – в составе Архангельской губернии Район расположен в среднем течении реки Печоры и ее притоков Пижмы и Цильмы.
2. См.: Власов А.Н., Канева Т.С., Филиппова В.В. Основные итоги фольклористической деятельности Сыктывкарского университета // Народная культура европейского севера России: региональные аспекты изучения. Сборник научных трудов к 10-летию кафедры фольклора и истории книги. Сыктывкар, 2006. С. 9-12.
3. Панченко А.М. Смех как зрелище // Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 108.
4. Усть-Цилемская слободка была основана в 1540-х гг., однако сложение местного культурного уклада можно связывать с появлением в Печорском крае староверов в начале XVIII в. Литературу об истории и культуре Усть-Цильмы см.: Библиографический указатель по истории и культуре русских староверческих групп, проживающих в Республике Коми / Сост. Т.И. Дронова, Т.С. Канева // Староверие на северо-востоке европейской части России: Сб. статей. Сыктывкар, 2006. С. 217–241.
5. Показательна в этом отношении самохарактеристика местных жителей, бытующая на уровне формульного текста: «Мы не коми, мы не русские, мы – устьцилемы».
6. См.: Канева Т.С. Фольклорная традиция Усть-Цильмы: Учебное пособие по спецкурсу. Сыктывкар, 2002. С. 108–120.
7. Канева Т.С. Церковный летописец и устная историческая проза Усть-Цильмы // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры: Сб. статей. Сыктывкар, 1996. Т. 2. С. 102–108.
8. Волкова Т.Ф. Усть-цилемские предания о протопопе Аввакуме и патриархе Никоне (по материалам Фольклорного архива Проблемной лаборатории Сыктывкарского университета) // V Уральские археографические чтения. К 25-летию Уральской объединенной археографической экспедиции: Тезисы докладов науч. конф.. Екатеринбург, 1998. С. 20–23; Усть-цилемские предания об Иване / Подгот. текстов и коммент. Т.С. Каневой // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 1999. Т.30. С. 423–430; Канева Т.С. Фольклорная традиция Усть-Цильмы: Учебное пособие... С. 76–86; Канева Т.С., Матвеева Л.Е. Устные рассказы о Великопоженском ските в усть-цилемской фольклорной традиции // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы VII междунар. научной конференции. М., 2005. Т.2. С. 234–240.

9. Фольклорный архив СыктГУ, Усть-Цилемское собрание (далее – ФА СыктГУ) 0308-16. Зап. в 1986 г. в с. Замежной от А.К. Андреевой, 1911 г.р.
10. ФА СыктГУ 0342-33. Зап. в 1988 г. в д. Филипповской от Ф.Ф. Носова, 1910 г.р.
11. См.: Канева Т.С. Усть-цилемский церковный летописец: реконструкция текста и комментарии // Исследования по истории книжной и традиционной народной культуры Севера: Межвуз. сборник науч. трудов. Сыктывкар, 1997. С. 23–24.
12. Окладников Н.А. Тайна древних Цилемских рудников // Арт: Республиканский литературно-публицистический, историко-культурологический, художественный журнал. Сыктывкар: Изд-во «Кола» 2007. № 2. С. 95.
13. См.: Канева Т.С., Матвеева Л.Е. Устные рассказы о Великопоженском ските в усть-цилемской фольклорной традиции. С.234–240.
14. ФА СыктГУ 0388-8. Зап. в 1989 г. в д. Скитской от С.М. Михеева, 1914 г.р.
15. Криничная Н.А. Предания Русского Севера. СПб., 1991. С. 11–12.
16. ФА СыктГУ РФ 03-ХІХ-15. Зап. в 1987 г. в с. Замежной от У.И. Чупровой, 1906 г.р.
17. ФА СыктГУ 0353-15. Зап. в 1984 г. в с. Усть-Цильме от М.Д. Овчинниковой, 1919 г.р.
18. Усть-цилемские предания об Иване; см. также: Канева Т.С. К вопросу о специфике усть-цилемской фольклорной традиции // Рябининские чтения – 95: Сборник докладов. Петрозаводск, 1997. С. 160–162.
19. ФА СыктГУ 03105-54. Зап. в 1990 г. в с. Замежной от А.Г. Мяндиной, 1903 г.р.
20. ФА СыктГУ 0356-60. зап. в 1987 г. в с. Замежной от Р.М. Мяндина, 1922 г.р.
21. ФА СыктГУ 0342-33. Зап. в 1988 г. в д. Филипповской от Ф.Ф. Носова, 1910 г.р.
22. Первоначально Ивашка Ластка с товарищем Власком, прибывшие на Печору, поселились на левом берегу Печоры при впадении в нее Цильмы, но вскоре перебрались на правую сторону реки, обосновавшись напротив того же устья. Там первопоселенцы завели землепашество, между тем как противоположная сторона, богатая лугами, представлялась удобной для скотоводства (см.: Канева Т.С. Усть-цилемский церковный летописец: реконструкция текста... С. 21). О месте Старых Дворищ в календарной обрядности устьцилемов см.: Канева Т.С. Календарно-бытовой уклад жизни устьцилемов (по публикациям XIX–начала XX вв. и материалам фольклорных экспедиций СыктГУ) // Старообрядчество: История, культура, современность: Матер. 5-й науч.-практ. конференции М., 2000. С. 412–429.
23. Примечательно, что в традиционной усть-цилемской топонимике нет названий со словом «новый» или производными от него.
24. ФА СыктГУ 03232-4. Зап. в 2007 г. в с. Трусово от Е.И. Чупровой, 1918 г.р.
25. ФА СыктГУ 03235-17. Зап. в 2007 г. в с. Трусово от Ф.Ф. Ермолиной, 1927 г.р.
26. С Мезенью в устных повествованиях связывается и история заселения Пижмы, однако только на Цильме мы встретили такие характеристики семей, как «мезёнкины» (или воспоминания о «бабке-мезёнке») и «лешуконские».
27. Ненецкий субстрат нашел отражение в прозвищах жителей двух цилемских деревень – Мылы и Нонбурга: «нонбурски самоди» (самоеды) и «мыльски горшки» (черные – смуглолицые, темноволосые и темноглазые) (См., например: ФА СыктГУ 03232-2. Зап. в 2007 г. в с. Трусово от Е.И. Чупровой, 1918 г.р., а также другие материалы цилемской фольклорной экспедиции СыктГУ 2007 г.).
28. Это предание нашло отражение в родословной Чупровых. См.: Есева М.И. Об истории одного пижемского рода («Мой XX век» М.В. Чупрова) // Молодые исследователи – Республике Коми (в рамках Всерос. научно-социальной программы «Шаг в будущее»): Сб. тезисов 9-й респ. науч.-практ. конф. Сыктывкар, 2006. С. 26–27.
29. Криничная Н.А. Предания Русского Севера. СПб., 1991. С. 278–294.